

ОБЩЕСТВО И ОБЩЕСТВА: МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Эдуард ШИЛЗ

Говоря об американском обществе, об английском обществе, об арабских или африканских обществах, мы, конечно, имеем в виду что-то совсем отличное от такой добровольной ассоциации, как кооперативное общество, или дискуссионное общество, или общество по охране памятников старины. Не имеем мы при этом в виду и «общества» богатых, красивых, влиятельных и элегантно одетых людей, которых живописал когда-то «Тэтлер» и которых мы по сей день видим на страницах *in zet* и журналов многих и многих стран мира. Нет, мы подразумеваем нечто «более глубокое», более постоянное, более укоренившееся в конститутивных свойствах человеческого бытия; мы подразумеваем нечто менее частное в своих целях, менее искусственное по своему происхождению, менее расчетливое в своих действиях, менее тривиальное, менее поверхностное. Но ведь такие качества, как глубина, основательность, постоянство и серьезность, присущи семьям, общинам, доревущ — игом том способам организации жизни, которые социологи называют «первичными сообществами». Однако эти последние могли бы быть признаны обществами только при наличии особых условий.

Важнейшим из этих особых условий является само-
стоятельность: саморегулирование, самовоспроизводство, самозарождение.

Иными словами, социальная система является обществом только в том случае, если она не входит в качестве *составной части* в более крупное общество. Объединение родоттч1 пш«ж, или племя, по ямлются частью более крупного общества, если браки заключаются между его членами; если оно имеет территорию, которую считает своей собственностью!

1

!; если оно пополняет спой членений состпи глалпым образом за счет детей тех людей, которые уже

являются его признанными членами; если оно имеет свою собственную систему правления; если у него есть свое собственное название и своя собственная история, то есть такая история, в которой многие его взрослые члены — или большинство таковых — видят историческое объяснение их связей со «своим собственным прошлым», и, наконец, если у него имеется своя собственная культура.

Впрочем, и кооперативное общество обладает некоторыми из этих характерных черт. У него есть свое собственное название; в известной мере оно имеет свою собственную систему правления и даже может иметь свою собственную историю, но ему недостает некоторых других чрезвычайно важных черт. Так, у него нет территории, которая была бы его исключительной собственностью; его членский состав не пополняется за счет потомков людей, уже являющихся его членами;

что же касается его системы правления, то она должна функционировать в рамках законов, установленных более могущественным институтом правления, осуществляющим свою власть над территорией, на которой расположено кооперативное общество. Исключительность категории, которую мы хотим выделить из ряда других, состоит в том, что она представляет собой такую социальную систему, которая обладает генетической историей и своей собственной территорией, имеет отдельные части, но сама не является частью более широкой системы власти, осуществляемой

данной территорией и сосредоточенной где-то в другом месте. Определение общества применительно к современному предполагает существование

семей, общин городов, церквей и сект, штатов и провинций, школ и университетов, фирм, ферм, промышленных предприятий а кооперативных обществ, причем все они взаимно

проникают друг в друга и взаимно обслуживают друг друга

и пределах общей территории, имеющей определенные границы; обладают общей всеобъемлющей системой власти

"срабатывающей и проводящей в жизнь правила

и норм, ликвидирующей или улаживающей конфликты. По подобное определение вполне применимо и к несовременным, прежде всего аграрным, обществам с мелен

дифференцированными институциональными системами. В подобных обществах понятие общества также предполагает наличие родственных и территориальных единиц, реальных.

убеждений и ре-лигиозной организации, экономической организации и т.д.

Главное, что все эти категории являются единицами, или подсистемами, более широкого целого. Сами по себе они не являются самостоятельными, но зато самостоятельно это более широкое целое.

Что же входит в общества? Как мы уже говорили, наи-более дифференцированные из них состоят не только из семей и родственных групп, но также из ассоциаций, сою-зов, фирм и ферм, школ и университетов, армий, церквей и сект, партий и многочисленных других корпоративных органов или организаций, которые в свою очередь имеют границы, определяющие круг членов, над которым соот-ветствующие корпоративные власти — родители, управ-ляющ ие, председатели и т. д. и т. п.— осуществляют из-вестную меру контроля. Сюда входят также системы, фор-мально и неформально организованные по территориаль-ному принципу — общипы, деревни, округа, города, райо-ны,— причем все они тоже имеют некоторые черты обществ. Далее, сюда входят неорганизованные совокуп-ности людей внутри обществ — социальные классы или слои, занятия и профессии, религии, языковые группы,— которые обладают культурой, присущей в большей степе-ни тем, кто имеет определенный статус или занимает определенное положение, чем всем остальным. Почему же все эти образования или некоторые из них не являются обществами? Мы уже дали ответ на этот вопрос, но теперь мы сформулируем его несколько иначе. Каждое из этих образований осуществляет имеющуюся у него власть внутри структуры или в условиях подчинения *общей* влас-ти, которая находится ла их пределами и представляет собой власть всего общества.

Само собой разумеется, независимость и самостоятель-ность относительны. Ни одна социальная система, которую мы называем обществом, не является полностью само-стоятельной или независимой. Лишь очень немногие общества, признаваемые нами в качестве таковых, попол-няют свое население исключительно за счет естественного его прироста. У большинства достаточно крупных обществ пет единой истории — ее заменяет смесь историй различ-ных пародов, включенных в данное общество путем завое-вания или иммиграции. У некоторых обществ нет четко очерченных территориальных границ, причем в прошлом обществ с нечетко обозначенными границами было отно-сительно больше, чем в наше время. Ни одно современное общество не обладает культурой, которая была бы исклю-чительно его собственной. Даже у лучших и наиболее прочно утвердившихся обществ Северной Америки или Западной Европы культуры по

являются абсолютно само-
бытными. Соединенные Штаты имеют общий язык и ли-
тературу с Великобританией, Мексика — с Испанией.
Франция имеет общий язык с отдельными частями Бель-гии и Швейцарии, а также с
томи странами Африки, где говорят по-французски, а культуру свою она разделяет с
большей частью мира. Ни одно общество, в котором нау-ка поставлена на современную
ногу, не является незави-симым л паучиом отношении: даже самые передовые по своему
научному развитию страны заимствовали и заим-
ствуют многие из своих основополагающих научных идей
у других стран.

В экономическом отношении также нет ни одного об-щества, которое было бы
полностью самообеспечиваю- щимся
и независимым. Все общества осуществляют
импорт из других стран и экспорт в другие страны. Они
связаны друг с другом -сложашт ^взаимоотношениями и
дошворпыми обязательствами, которые они обычно соблю-
дают и нарушение которых чревато для них невыгодными последствиями (хотя и не
всегда).

В наше время одним из характерных признаков об-щества является суверенитет но
отношению к другим су- веренным
государствам — впрочем., что-то вроде суверени-
тета всегда было отличительной чертой обществ даже в те
эпохи и в тех культурах, которым была неведома нынеш-
няя четкая концепция суверенитета. Кстати, сегодня,
когда понятие суверенитета получило сравнительно четкое
определение, Организация Объединенных Наций пред-ставляет собой нарушение
суверенитета. Споры нет,
нарушение это но так уже
велико,
но том но менее оно
остаётся нарушением — не столько ввиду наличия у Орга-
низации Объединенных Наций сколько-нибудь реальной
принудительной власти, сколько ввиду мнений, выражае-
мых и отражаемых ее органами.

Таким образом, мы видим, что *полная* самостоятель-ность не является абсолютно
необходимым предваритель- ным условием
определения социальной системы как

общества. Для того чтобы быть обществом, социальная система должна обладать своим собственным внутренним «центром тяжести», то есть она должна иметь свою собственную систему власти в рамках своих собственных границ.

Кроме того, она должна иметь свою собственную культуру.

Какую-то часть своей культуры она по необходимости разделяет с другими обществами, от которых происходит и с которыми поддерживает отношения. Другая же часть этой культуры самобытна и принадлежит только ей. Эта культура состоит из убеждений, касающихся истории и характера данного общества, его связи с определенными идеальными или трансцендентными ценностями, его происхождения и предназначения. Сюда же входят убеждения о правомерности его существования как общества и о качествах, дающих членам общества право принадлежать к нему. Разумеется, культура включает в себя произведения искусства, литературы

и отвлеченной мысли, многие из которых посвящены упомянутым убеждениям. Общества имеют тенденцию быть «национальными».

•• Современные «национальные» общества — общества, претендующие на то, что они служат воплощением национального единства, и обладающие своими собственными национальными культурами, своими собственными, скорее независимыми, чем зависимыми, экономическими системами, своими собственными системами правления, своим собственным генетическим самовоспроизводством и своим собственным суверенитетом над территориями, обозначенной [границами, — представляют собой наиболее самостоятельные из всех социальных систем, известных нам из истории человечества, самые независимые общества своих эпох.

II

Итак, мы убедились в том, что общество — это попросту совокупность объединившихся людей, изначальных и культурных

х коллективов, взаимодействующих и обменивающихся услугами друг с другом. Все эти коллективы образуют общество в силу своего существования под *общей властью*, которая осуществляет свой контроль над *территорией, обозначенной границами*, поддерживает и насаждает более или менее *общую культуру*. Именно эти факторы превращают совокупность относительно специализированных изначальных корпоративных и культурных коллективов в общество.

На каждой из составных частей лежит печать *принадлежности к обществу*, именно к данному обществу и ни к какому другому. Одна из многочисленных задач социологии, и в частности ее конкретной отрасли, получившей название макросоциологии, состоит в освещении механизмов или процессов, в силу которых это собрание, или совокупность, изначальных корпоративных и культурных групп функционирует как общество.

Главными факторами, создающими и сохраняющими общество, являются центральная власть, согласие и территориальная целостность. Центральная власть формирует общество не просто через посредство осуществляемой ею фактической власти над любыми конкретными действиями в любых конкретных обстоятельствах, хотя подобные акты власти и имеют важное значение, как таковые. Конкретные акты власти, кроме того, производят остаточное действие на тех, по отношению к кому они применяются. Это остаточное действие складывается из: 1) сосредоточения внимания на центре; 2) чувства отождествления с другими людьми, тоже ощущающими свою подчиненность той же (власти,—всеми теми, кто разделяет территорию, над которой осуществляется власть; и 3) убеждения в правомочности власти действовать так, как она действует. Вот эти-то три остаточных эффекта подчиненности общей власти и превращают лиц, подчиняющихся ей, в членов данного общества, формируя их представления и убеждения. Экологическая взаимозависимость и принудительная власть еще не образуют необходимую обществу культуру, хотя и весьма способствуют ее возникновению.

Эти три остаточных эффекта входят в культуру, то есть в убеждения и символы членов общества. Членство в обществе, как таковое, само по себе не создает культуры общества. Культура общества является продуктом творческих усилий и щедрой фантазии творческих личностей — религиозных пророков и святых, ученых, великих (и по-прежнему великих) писателей, художников, журналистов, философов, старейшин и мудрецов, — чье мирозерцание приходится по сердцу их современникам и потомкам. Культура представляет собой продукт потребности простых, творчески менее одаренных людей иметь представление об окружающем их мире, помогающее осмыслить важнейшие события человеческого бытия, объяснить их причины и отличить хорошее от дурного. Главная

культура общества и его варианты культуры являются в известной мере самозарождающимися. Никогда еще не бывало, чтобы они были полностью созданием существующих центральных властей какого бы то ни было общества (да и не полностью — весьма редко).

Вместе с тем три упомянутых мною выше остаточных эффекта усваиваются культурой различных культурных групп. Происходит это в силу того, что создатели культуры сплошь и рядом непосредственно касаются в своих религиозных проповедях или философских рассуждениях, в своих литературных трудах или произведениях изобразительного искусства фактов и символов центральной власти. Центральная власть занимает их мысли, и они не могут не думать о ней. Дело в том, что могущество и величие центральной власти имеют обертоны, которые конститутивно входят в мир мыслей и чувств

творческих личностей. Кроме того, три остаточных эффекта центральной власти принадлежат к сфере убеждений, и в этом своем качестве они сами представляют собой часть культуры. Они к тому же не могут не соединяться и не сплавляться самыми различными способами с продуктами или содержанием самостоятельно возникающей религиозной, литературной, художественной и умозрительной или философской культуры.

Итак, вследствие этих процессов каждое общество приобретает наряду с центральной системой власти— которая, как мы убедимся ниже, никоим образом не сводится исключительно к власти правительственной, политической или военной — центральную культурную систему. Эта центральная культурная система складывается из тех убеждений и экспрессивных символов, которые имеют отношение к центральной институциональной системе и к категориям, превосходящим эту центральную институциональную систему и отражающимся на ней. Центральная культурная система имеет свою собственную институциональную систему: церкви, секты, школы, университеты, библиотеки, музеи и т. п. Элиты людей, управляющие этими культурными институтами, вступают в многообразные и тесные отношения с центральной институциональной системой и становятся ее частью. Система образования представляет собой такую

часть
комплекса
институтов
центральной власти и
культурных
институтов,
которая
внедряет значительные компоненты центральной культур
ной системы в другие секторы общества. Тем самым она
способствует формированию и распространению общей культуры.

Центральная культурная система в большинстве об-ществ включает в себя за основную часть времени их су- ществования многие продукты культуры, положительно ориентированные по отношению к центральной институ-циональной системе. Там, где центральная культурная система преимущественно отчуждается от центральной

институциональной системы или же никогда не достигает
i
единства с ней, центральная институциональная система утрачивает (либо вообще пе
приобретает) некоторую то-
лику своей законности, а вместе с том и своей способности
мирно и эффективно осуществлять свою власть. Это при-водит к резким конфликтам п
подготавливает коренные
шшеиооия.

III

Каждое общество, рассматриваемое под макросоцио-логическим углом зрения, может
быть представлено как центр и периферия. Центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть,
будь то власть
экономическая, правительствеипая, политическая, военная
или культурная (в области религии, литературы, образо-вания и т. д.). Периферия же
состоит

n
;
j
таких слоев, или
секторов, общества, которые воспринимают распоряжения

и убеждения, вырабатываемые и назначаемые к распространению помимо них. Периферия слагается из множества сегментов; она, можно сказать, охватывает обширную сферу вокруг центра. Одни секторы общества более периферийны, другие — менее. Чем более периферийное положение они занимают, тем менее они влиятельны, менее созидательны, менее проникнуты культурой, исходящей из центра, и менее непосредственно охватываются властью центральной институциональной системы.

Центр не только заставляет повиноваться, но и завладевает вниманием. Он обладает властью притягивать умы, которая захватывает воображение и зачастую привлекает к себе все мысли людей. Он сам стремится к этому — хотя, впрочем, в разной степени при различных режимах — и автоматически достигает этого в силу самого факта своего существования.

Следует в скобках отметить, что все общества, имеющие обширную территорию, обычно обладают также и пространственным центром, который является или считается местоположением центральной институциональной и центральной культурной систем. Большинство населения смотрит на центр (или центры), как на источник руководящих указаний, инструкций и распоряжений, касающихся поведения, стиля жизни и убеждений. Центр/определенного конкретного общества может также быть в некоторых отрезках центром других обществ (так, например, Париж в течение нескольких веков являлся культурным и художественным центром не только Франции, но и значительной части Европы, а также Африки, говорящей на французском языке).

Пока мы рассуждали об обществе вообще — почти как если бы все общества были одинаковы. Но общества отнюдь не одинаковы. Подобно тому как непохожи друг на друга семьи и семейные системы в разные эпохи в разных обществах и районах, подобно тому как непохожи друг на друга университеты и университетские системы, отличаются друг от друга и общества. С точки зрения нашего макросоциологического анализа наиболее интересно их от-

личие друг от друга в плане отношений между центром и периферией.

В одних обществах отношения между центром и периферией более интенсивны, в других — менее. Тогда как в некоторых обществах, где имеется главный центр, существуют также и второстепенные центры, наличие которых ослабляет центральную роль главного центра, в обществах того типа, на которых мы собираемся, сейчас остановиться, существует центр, исключаящий все прочие центры и стремящийся взять на себя их функции. Другими словами, периферия в рассматриваемом типе общества испытывает более интенсивное, более непрерывное вмешательство со стороны центра. В подобных обществах центр и периферия, кроме того, отделены большой дистанцией друг от друга: они редко сближаются, но зато из центра постоянно исходит направленный наружу поток распоряжений и убеждений, которыми деятели центра пытаются пропитать периферию. Именно к этому образцу стремились некоторые общества XX века. Элиты этих обществ старались навязать массе населения, вплоть до обитателей мельчайших и самых захолустных сельских районов, свои собственные

убеждения по каждому вопросу; они также стремились добиться того, чтобы поведение масс полностью соответствовало образцам и предписаниям, исходящим из центра. Центр господствует над периферией и пропитывает ее — во всяком случае, он стремится к этому и в известной степени добивается успеха. Общество становится более интегрированным — от центра к периферии — в своих убеждениях и действиях.

Таков один из типов модели односторонних отношений между центром и далеко

отстоящей от него периферией. Другой тип гораздо чаще встречался в мировой истории. Он тоже характеризуется наличием большой дистанции между центром и периферией, но в обществе этого второго типа периферия преимущественно, то есть большую часть времени и в большинстве сфер действия и убеждений, лежит за пределами радиуса действия центра. Самые от-даленные от центра окраины периферии остаются вне его досягаемости, и, если не считать эпизодического сбора налогов и дани да возложения время от времени некоторых повинностей, периферия предоставлена самой себе. Эти отдаленные зоны периферии, в которых, возможно, сосредоточено большинство населения общества, имеют свои собственные относительно независимые центры. Более того, во многих важных отношениях эта модель находится на самой границе нашего представления о том, что является обществом. Здесь существует лишь минимум общей культуры, а проблема законности возникает лишь от случая к случаю ввиду чрезвычайно нерегулярного характера действий правительства. Обычно в таких обществах слабо развита общественная политическая жизнь; та общественная жизнь, которая происходила в них, и вся их тайная политическая жизнь осуществлялись либо в самом центре, либо в самой непосредственной близости от его внешних кругов.

Эта модель была характерна для больших бюрократически-имперских обществ, которые, несмотря на устремления — то усиливающиеся, то ослабевающие — их правителей к более высокой степени интеграции, в общем и целом были минимально интегрированными обществами. Модель бюрократически-имперских обществ, напоминающая тоталитарные общества нашего века в том, что касается различия центра и периферии по высоте положения, полярно противоположна тоталитарным обществам в том,

лени

что касается объема господства и степени пропитывания периферии, которых домогался и фактически добивался центр.

Существует и промежуточная модель общества, характеризующаяся большой дистанцией между центром и периферией. Здесь эта дистанция заполняется целой лестни-

цей уровней власти, каждый из которых в известной степени самостоятелен, но признает главенствующую роль большого центра. Примерами этой модели, характеризующейся наличием главного центра и множества субцентров, являются феодальные системы (и в меньшей степени феодальные системы). Феодальное поместье было маленьким квазиобществом. Его неполнота была обусловлена производным характером власти владельца поместья от власти феодала, стоящего над ним в иерархии знати, и зависимостью его культуры и культуры, которую он стремился привить своим подданным, от культуры королевства и связанного с ним религиозного института.

Кроме того, имеются общества, в которых центр и периферия не отстоят далеко друг от друга. Некоторые из называемых традиционных или родо-племенных африканских обществ в определенных отношениях напоминали древнегреческий полис: почти все люди там лично знали друг друга. В подобных обществах, даже когда правители и управляемые не соединялись в одном лице, оба эти слоя характеризовались связывавшим их друг с другом сильным чувством близости, взаимной привязанности. Они были «ближе» друг к другу.

Подобную близость правителей и управляемых, элит и масс можно обнаружить и в современных «массовых обществах». Эти последние гораздо более сложны и дифференцированы, чем прочие общества, где имеет место сходная близость. Вот почему обнаруживаемая современными «массовыми обществами» близость не проявляется в ситуациях личного контакта между обитающими в центре и обитающими на периферии. Ощущение приблизительно-го равенства скорее проявляется через представительные институты, а в конечном счете — через сознание близости, через убеждения в общности существования у всех или большинства членов общества определенных важнейших качеств, которые, как предполагается, приблизительно равномерно распределены между ними. Самые важные из них — это простой и не поддающийся определению факт человеческой сущности и ясный и очевидный факт членства в гражданском сообществе, находящий свое проявление в долгом проживании в нем.

IV

Таково одно из главных отличий современных индустриальных обществ от обществ предшествовавших эпох и Востока. Тогда как практически во всех крупных обществах, предшествовавших современному массовому обществу, и в большинстве малых обществ, переросших свою родовую основу, считалось, что харизма пребывает

в центре, в современном массовом обществе считается, что харизма распределена более широко. Общая культура в современном массовом обществе включает в себя убеждение в том, что люди, как таковые, в силу самого своего членства в национальной общности и своего проживания на общей для них всех территории, имеющей определенную границу, обладают харизматическим качеством, которое ранее считалось достоянием элит центральных институциональных и культурных систем.

Что же представляет собой упомянутое харизматическое качество? Это такое качество, которым обладает либо отдельный человек, либо класс, либо род, либо совокупность ролей. Данным качеством обладают в силу «связанности» с «метафизической сущностью» или «проникнутости» ею. Эта метафизическая сущность представляет собой титаническое человеческое разумство, которое сознает, что некоторые вещи в жизни имеют особо важное значение — настолько важное, что они требуют к себе почтения, уважения, пиетета. Коренное их значение обусловлено их «абсолютным» характером — абсолютным в смысле чего-то предельно справедливого, доброго и сильного.

На протяжении большей части истории человечества понятие «абсолютное» символизировалось в виде понятия «божество»; и даже теперь, в апоху, когда по крайней мере образованные классы менее религиозны в любом тради-

ционном смысле, чем когда бы то ни было раньше, эта концепция абсолютного по-прежнему сплошь и рядом определяется в категориях, носящих на себе отпечаток религиозных образов. Но независимо от того, формулируется ли эта метафизическая сущность в традиционных ре-

лигиозных категориях или в категориях современной политической теории, трактующей о «правах человека» либо «суверенитете народа», факт остается фактом: население периферии изменило свой статус по отношению к центру.

Но

приобрело некоторые из основных качеств, которые некогда считались монополией центра и доступ к которым, как полагали, был возможен только лишь через посредство центра, как это имело место при отправлении священниками религиозных обрядов либо при предоставлении светскими правителями титулов, рангов и привилегий.

Попытка объяснить данную переменную увела бы нас далеко в сторону. Здесь достаточно будет сказать, что ей в значительной степени способствовали экономический прогресс по пути повышения производительной способности национального хозяйства, перемены в политических институтах и идеях, придавшие обитателям периферии большее влияние и вес, более широкое распространение образования и сдвиги в религиозных верованиях в сторону большего равенства.

Важным следствием этого начавшегося на Западе сдвига в культуре современных обществ явилась деколонизация — рост националистических движений на колониальных территориях и создание многочисленных новых государств в Азии и Африке. Перед тем как попасть под империалистическое господство европейских стран, Азия состояла из обществ того типа, который, как говорилось выше, характеризовался большой дистанцией между центром и периферией. В странах с феодальными либо бюрократически-имперскими режимами контакт между правителями и управляемыми осуществлялся лишь эпизодически, а чувство близости, привязанности между ними было крайне слабо. Центр не пропитывал периферию.

В подобных условиях непрочной интеграции приход нового иностранного правящего класса, с негодованием встреченный прежними правителями, на первых порах был с безразличием воспринят периферией. Иностранное правление и постепенное частичное включение колониальных обществ в экономическую систему, государственный строй и культуру западного общества вызвали в обществах, находившихся под колониальным господством, весьма важные сдвиги. Создание небольшого класса образованных людей, урбанизация, некоторое усовершенствование методов ведения сельского хозяйства и какая-то, пусть незначительная, степень индустриализации — все это вызвало к жизни некоторые из тех же самых тенденций, которые в прошлом действовали в более широком масштабе в

Западной Европе и в Америке. Здесь и там на колониальных территориях (и у отдельных людей и организаций) стало возникать стремление к созданию общества, более сходного с обществом, развившимся на Западе. Правда, в какой-то мере это стремление обуславливалось самим содержанием западного образования и западной политической мысли. Однако это культурное влияние было лишь частью более широкой картины.

Начали изменяться основные установки. Возникло стремление к образованию общества с большей близостью между центром и периферией. Те, кто мечтал о таком сокращении дистанции между центром и периферией, между элитой и массой, видели препятствие в самой этнической чужеродности элиты. Тот факт, что центр был всего-навсего центром политической и экономической власти и не являлся вместе с тем центром культурных ценностей, еще более обострял сознание непреодолимого отчуждения периферии от центра.

Росту национальных настроений соответствовал рост убежденности в том, что общество должно состоять из тех, кто разделяет общий опыт длительного проживания на определенной территории. Если бы англичане или голландцы прочно обосновались в Индии или Индонезии, как это делали в прошлом завоеватели, вместо того чтобы служить в качестве временных агентов, представляющих далекие и территориально оторванные районы земного шара,

националистические движения не приобрели бы столь широкого размаха. Но и пострпшс элиты так никогда и не стали составными частями общссти, которыми управляли; они оставались частью других обществ. По этой причине они не могли быть включены в зародившееся новое требование образовать самостоятельное гражданское общество.

Наряду с этими событиями происходили изменения и в структуре обществ метрополий, которые сделали более понятной и приемлемой идею, что общества должны быть самостоятельными, что центр и периферия должны быть ближе друг к другу и что культура центра должна пропитывать периферию. Было вполне очевидно, что культура центра в колониальных странах не способна пропитать периферию. (Более того, колониальные политические власти, как правило, старательно избегали любых попыток пропитать ее.) Оба эти движения, действовавшие одновременно и в одном и том же направлении, настроили общественное мнение стран-метрополий в пользу предоставления колониям независимости. Эти настроения, само собой разумеется, были сильнее в Соединенном Королевстве, чем во Франции и Нидерландах — в той мере, в которой Соединенное Королевство дальше продвинулось в направлении создания современного массового общества. Португалия, внутренний государственный строй которой представляет собой гибрид бюрократической олигархии и тоталитаризма, меньше всех склонна сочувствовать стремлениям населения колоний к образованию самостоятельных и, значит, самоуправляющихся обществ.

Ни одному из бывших колониальных обществ не удалось преобразоваться после получения независимости в современное массовое общество, гражданское в своей политической жизни. Ближе всего подошла к этому типу общества Индия, потому что и в колониальные времена это общество было наиболее модернизированным в смысле наличия крепкой местной политической элиты, обширного класса интеллигенции, значительного среднего класса и формирующегося городского пролетариата. И вот в разных слоях индийского общества началось движение за образование самостоятельного общества, где членство и права определялись бы длительным проживанием на территории Индии. Применительно к основам общества сказывалось действие изменившегося представления о том, кого следует считать членом общества; применительно же к высшему уровню действовало убеждение, что пригодность тех, кто должен управлять территорией, определяется в пределах границ этой территории. Раз население призвано создать общество, его правители должны быть живым свидетельством его самостоятельности.

Те самые особенности, которые сделали возможным для Индии принятие иностранного господства, мешают ей продвигаться в направлении создания современного общества, во всяком случае в настоящее время. Убеждение в том, что харизма обретается в наследственных правителях, в землевладельцах, в этнических группах, родах и кастах, преграждает Индии путь к созданию гражданских условий современного массового общества. Одной из главных причин этого убеждения является нищета наряду с глубоко укоренившейся центральной

культурной системой, кото-рая в течение столетий существовала в отрыве от цент-
ральной институциональной системы.

То же самое можно сказать *mutatis mutandis* и о мно-гих других новых государствах Азии
и Африки. Они еще не стали обществами в современном смысле слова, и по-
этому героические усилия, предпринимаемые некоторыми
из их политических деятелей и многими из их граждан-
ских служащих с целью поощрения экономического разви-
тия этих государств, пока не увенчались особым успехом.

VI

Теперь несколько заключительных замечаний.

Все человеческие коллективы имеют тенденцию замы-каться, обеспечивая свою
самостоятельность. Они стремят-
ся через посредство своих властей создать и поддерживать
определенную индивидуальность, установить свои грани-
цы и оградить свою целостность. Они стараются сохранить
свою численность и предотвратить утечку членов. В очень
многих из таких коллективов эта тенденция выражена
слабо, потому что их члены, иступившие в них с ограни-ченными и специальными целями,
не позволяют, чтобы притязания коллектива стштишсь слишком настоятель-
ными. Кроме того, в круп и их обществах открыто плюра-
листического типа люди япляются членами многих кол-
лективов, заявляющих конкурирующие и противоречивые
притязания на их время, лояльность и послушание, кото-рые никак не могут быть
удовлетворены одновременно.
Удовлетворение требований одного коллектива практи-
чески всегда влечет за собой отказ удовлетворить требова-
ния других.

Однако есть такие виды коллективов, в которых тен-денции к замыканию выражены

сильнее, чем в других. Таковы изначальные коллективы, например семьи, племена и деревни. Там, где люди определяют свое членство и воспринимают других членов применительно к определенным изначальным качествам или характерным чертам — таким, как общие биологические характеристики (например, происхождение от общих родителей или предков) или общность территориального местоположения (например, семейного очага или деревни), — требования замкнутости получают более сильный сочувственный отклик. Впрочем, даже эти коллективы не могут быть полностью замкнутыми: экологические нужды, мощное давление извне и сила индивидуальных привязанностей и желаний прорывают границы, создаваемые процессом замыкания.

Одна из главных черт исторического развития, или эволюции, заключается в разрушении некоторых изначальных оснований замкнутости. Родственная и племенная общность утратила свое относительное значение. Уменьшилась также и роль местной общности. Впрочем, это еще не означает полной сдачи позиций. Что касается местной общности, которая является особой разновидностью общности территориальной, то эта категория сохранилась, изменив свое содержание. Центр тяжести территориальной общности переместился с небольшой местности на более обширную территорию — большую, чем та, которую любой средний человек способен узнать непосредственно, на основе своего собственного опыта. Этому сдвигу в сторону более широкой территориальной общности благоприятствовали экологические перемены, вызванные укрупнением рынков и усовершенствованием техники транспорта и связи. Образование помогло сделать наглядным существование более обширной территории. Расширившаяся деятельность и повысившаяся эффективность правительств помогли людям составить ясное представление о той более широкой территории, на которой они живут.

Этому формированию представлений о более обширной территории сопутствовало уменьшение значения чисто биологического критерия близости между людьми. Отчасти он был заменен территориальным критерием близости, который в качестве местной общности до сих пор был связан с биологическим критерием.

био

Пока правительства были слабы и неэффективны и пока они не могли помышлять об абсолютном господстве над своими подданными (даже если и считалось, что они обладают неограниченной властью, общества не могли не иметь многочисленных второстепенных центров, вокруг которых в известной степени создавалась замкнутость. Главный центр в таких обществах, как бюрократические империи и феодальные системы, был недостаточно внушительен. Он не мог завладеть воображением своих подданных, потому что неспособен был осуществлять свою власть всепроникающим и эффективным образом.

Однако, после того как изменилось содержание чувства близости, а правительства стали более активными и сильными, главный центр общества начал подчинять себе менее важные центры. Ему так и не удалось полностью уничтожить эти второстепенные центры — даже в обществах, правители которых стремились к тоталитарному господству; но сдвиг в сторону преобладания главного центра все-таки произошел. Этот сдвиг с неизбежностью изменил круг понятий, охватываемых тенденцией к замкнутости. Теперь замыкалось то, что проявлялось среди обитателей более обширной территории. Место родственной связи и принадлежности к деревне и племени стало занимать гражданство. Биологические изначальные критерии не были полностью упразднены. Сохраняется семья, а этническая общность даже выдвинулась на первый план, заменив собой расширенную родственную и родовую общность.

Этническая общность представляет собой умозрительный конструкт, причем, когда более широкая территориальная общность стала главным критерием для распознавания своих соотечественников, этническая общность сублимировалась и трансформировалась в общность национальную. Даже когда национальная общность освобождалась от этнической (или расовой) общности, в концепции национальной общности по-прежнему оставалось много от мифологии, поскольку она является плодом воображения.

Независимо от того, является она мифологической или нет, национальная общность образует ныне существенный компонент — компонент культуры — современных обществ. В некоторых из этих обществ, например обществах Азии и Африки, которые не стали еще обществами в современном смысле слова и для которых по сей день типичны слабости центра и значительная сила родовых, этнических и местных субцентров, национальная общность еще недостаточно упрочилась в широкой массе населения. По этой причине центр остается слабым. Впрочем, если административный аппарат и аппарат по поддержанию порядка будут укреплены (или останутся сильными), а экономика приобретет общенациональный либо рыночный характер, главный центр покорит периферию и завладеет умами живущих там. Тем самым центр мало-помалу станет не только центром институциональной системы, но также и центром культурной системы. Таким способом новым государствам, возможно, удастся стать современными — то есть интегрированными — обществами, каковыми в настоящее время хотят их сделать некоторые члены их элит.

Интегрированные общества, в которых прочно утвердились системы власти, институциональные и культурные системы, могут стать гражданскими обществами, характеризующимися широким распространением добродетелей, требуемых для эффективных гражданских отношений. Это может произойти в тех случаях, когда «замыкание во-круг центра сопровождается сближением центра и периферии» Именно по этому пути шли в течение последних полутора столетий страны Западной Европы, Соединенные Штаты и Австралия, а в меньшей степени — Япония и Канада. В этих странах взаимный обмен между центром и периферией и сопутствующее этому обмену повышенное чувство близости привлекли в центр более значительную долю населения и до некоторой степени уничтожили границу, отделявшую в прошлом центр от периферии.

Хотя это и не является единственной возможной альтернативой, мы не сможем коснуться других альтернатив в краткой главе, в которой и без того уже было затронуто столь много сложных проблем.

ОБЩЕСТВО И ОБЩЕСТВА

Добавил(а) Социология
06.09.10 09:03 -
